

Март 1992 - 1авт

ИНТЕРВЬЮ В СУББОТНИЙ НОМЕР

Заместитель министра культуры России Татьяна НИКИТИНА:

«ЛЮДЯМ ПЕРЕСТАЛО БЫТЬ СТЫДНО»

Семейный дуэт Татьяны и Сергея Никитиных был одной из самых светлых примет конца семидесятых. В стране стояли заморозки, и свободно мы себя чувствовали только у лучших друзей, где можно было пересказывать Войновича, баловаться крамольными анекдотами. А там — непременный магнитофон и переборы гитары, и знакомые голоса... И уже через минуту начинает казаться, что на свете

нет ничего, кроме нашей насквозь прокуренной комнатенки и песни, укрывшей притихшую компанию от темноты за окном. Скажи тогда кто-нибудь, что Татьяне Никитиной предстоит стать заместителем министра, это сошло бы за отличную шутку. Но жизнь и сама не прочь пошутить: с корреспондентом «Труда» певица вела беседу за министерским столом.

— Татьяна Хашимовна, когда я обмолвился в газете, что вы стали заместителем министра культуры и я собираюсь взять у вас интервью, друзья и коллеги тут же подсказали мне первый вопрос. Скажите, пожалуйста, зачем вам это кресло и как вы в него попали?

— Мой товарищ стал председателем исполкома, и как-то я ненароком обмолвилась, что пошла бы к нему работать. И оказалась в Октябрьском райисполкоме. Там собрались интеллигенты-идеалисты, и вскоре старая система их смела, выплюнула и затоптала. Для прежних «отцов жизни» появление болеющих за культуру людей было и ненужно, и опасно. В ход было пущено все — клевета, подлог, провокации. В результате мы подали в отставку. Нам было куда уходить, крушение бюрократической карьеры не стало для нас жизненной катастрофой. Может быть, поэтому год, проведенный в Октябрьском исполкоме, и оставил у меня ощущение радости и независимости.

И все же — зачем я «пошла во власть»? Знаете, я думаю, дело в том, что мы с Сергеем на себе испытали основной принцип партии и правительства в диалоге с людьми искусства — «держат и не пушат». Поэтому, кстати, «достичь успеха» на посту зав. отделом культуры мне было несложно. Для этого хватило здравого смысла, равнодушного отношения к людям и желания помочь культуре. Позже меня пригласили в Центральную префектуру. Я долго не соглашалась: то, что происходило в Москве, не внушало мне оптимизма. Ведь до сих пор культурой в городе командуют те, кто бульдозерами сметал выставки авангардистов, кто цензурировал театры и музеи. Для таких вот и нужен был путч... После него и решила принять предложение. Тем более что я шла к конкретному

человеку: Александру Ильичу Музыкантскому, которому абсолютно доверяла. Работали мы с обоюдным уважением и доверием друг к другу. Пришлось вникнуть в массу вопросов, законов, проблем. Ведь здесь, в центре Москвы, сосредоточено основное культурное достояние города.

Ну а как Сидорову пришла в голову идея пригласить меня сюда, я не знаю. Это уж у Евгения Юрьевича надо поинтересоваться.

— Вы и на этот раз сомневались?

— Я очень серьезно думала, советовалась с людьми, которым верю. Большинство из них — а это те, кто долгие годы был властителем наших дум, — сказали, что надо соглашаться. Видите ли, то, что в это министерство пришли люди, обладающие каким-то уровнем и общей, и бытовой культуры, было большим подарком для людей искусства. Художники привыкли, что здесь и по-русски не все грамотно разговаривали.

Ситуация, с которой пришлось столкнуться, оказалась чудовищной. Нами всегда правили не законы, а телефонные звонки — из райкома, ЦК и политбюро. Сейчас, когда это исчезло, наступил полнейший беспредел: нет законов, нет норм и правил работы музеев, библиотек. В день в среднем гибнет 11 памятников культуры — храмов, картин, драгоценных икон.

Наш департамент занимается вопросами охраны и использования культурного наследия. В него входят отделы музеев, охраны памятников, народных промыслов, библиотек, институт инспекторов госохраны, два новых отдела — региональных программ и координационный. Департамент призван объединить усилия экологов, экономистов, культурологов, искусствоведов. И все отделы завалены письмами: отовсюду пишут, что культуру гу-

бят, что наше художественное наследие растаскивают по кускам. На Бородинском поле новая элита возводит соборы. Коммерсанты Италии, Германии, США наладили контакты с отечественными дельцами, и в результате за последние несколько лет восемьдесят процентов русских икон вывезено на Запад. Распахиваются и застраиваются охранные зоны вокруг памятников культуры. Людям перестало быть стыдно. Снова беспамятство и обрыв истории...

За последние годы свой кусок старались урвать те, кто был близок к кормушке, в том числе и некоторые чиновники бывшего Минкульта. Их родственникам перекачивались государственные средства через всевозможные биржи, фонды... Из нищей культуры бесследно исчезли миллионы рублей. Годами (и, наверное, небескорыстно) министерством закупались бездарные работы вскормленных системой «мастеров искусств». При этом экономили на музеях, библиотеках, памятниках. К тому же у некоторых директоров музеев возникло ощущение, что музейные фонды принадлежат им лично. Они делали с ними что хотели, а часто даже передавали право распоряжения иностранным фирмам. Нередко в роли зарубежных партнеров выступали обычные жулики, ловко пользующиеся нашим развалом.

Сейчас, когда в нашем доме неспокойно, особенно страшна драка внутри него. Легко, не отвечая ни за что, судя снизу, все и вся критиковать. Что-либо изменить оказалось значительно сложнее. Но, хотя я и не знаю, сколько времени еще отведено нашей команде, какие-то основополагающие вещи, которые уже не будут зависеть ни от меня, ни от Сидорова, ни от тех, кто нас сменил, мы стараемся сделать.

— Популярность и обаяние вашего дуэта заключались в

том, что вы очень точно поймали дыхание семидесятых годов, настроения определенного слоя московской и ленинградской интеллигенции — преподавателей, инженеров, врачей... Сейчас, когда я прихожу во ВНИИ, где я был в аспирантуре и некоторое время работал, у меня появляется ощущение, что этот социальный слой вымирает. И чисто физически, из-за безденежья, и морально. Всю жизнь они занимались наукой, которая сейчас никому не нужна. Они поставили и защитили нынешнюю власть, они выжили на демонстрации, стояли у «Белого дома», а власть, укрепившись, о них забыла. Хотите вы что-нибудь им сказать — уже не как замминистра, а как их любимая певица?

— Я лелею надежду, что принадлежу к скромной, небогатой русской интеллигенции. Я знаю, в каком сейчас положении эти люди, знаю, что говорить им «потерпите», лишнее. Но ведь интеллигенция в России никогда не была особенно сытно и легко. У нее иная судьба, ее предназначение — защищать нацию от генетического разрушения и духовного вырождения. Это не изменилось и сегодня — обществу всегда нужно, чтобы его лечили и учили. И от зарплаты это не зависит.

Сейчас, на волне новой жизни, наверх всплыло много серости, людей второго сорта. С собой они принесли неумные амбиции, наглость и жажду власти. Интеллигенция же, как всегда, очень трудно переплавиться в реальную власть — моя судьба, судьба нашей новой министерской команды здесь, скорее, случайность. Да, сегодня на авансцену выходит новый класс. Но ситуация «Вишневого сада», который вырубает купцы, типична для России и, наверное, повторится еще не раз. Да, интеллигенции трудно выжить рядом с рвущимися вперед молодыми, богатыми предпринимателями. Но ведь много выхода нет, это придется пережить.

Вы сказали — интеллигенция Ленинграда и Москвы... Поверьте мне, это снобистский взгляд на Россию. Одно из самых силь-

ных моих впечатлений — 12-летней давности концерт в голландной Перми, евшей черные макароны и мороженую картошку с луком. Но вы бы видели, какие библиотеки были в этих нищих итэзровских квартирах!.. После этого я поняла, что нет выше человека, чем российский провинциальный интеллигент. В жизни этих людей мало что изменилось. Они и раньше жили небогато, зато им всегда были свойственны совестливость и чувство внутреннего достоинства. Это особенно важно сегодня, когда модно быть не умным, а предприимчивым.

Я знаю, как плохо сейчас жить, и очень переживаю за коллег. И все же на демонстрацию врачей вышел не цвет этой профессии. Настоящий врач, верный клятве Гипократа, баствовать не пойдет. Он будет лечить — пусть впроголодь, пусть на томографе, а палочкой и веревочкой, но все равно будет. Это его долг, его судьба.

— И последний вопрос. Вы, заместитель министра, продолжаете петь?

— Мы поем и будем петь. Я вообще не намерена ничего менять в своем образе жизни. У нас тот же круг друзей, мы так же ведем себя на концертах, и репертуар наш остался прежним. В нашей семье это незбылемые вещи, и пересмотру они не подлежат. Впрочем, кое-что действительно изменилось.

Раньше мы выходили на сцену и вынимали из души что-то, от чего нам всем, всей «маленькой компании», собравшейся в зале, становилось радостно. Сейчас мне часто приходится петь нечеловечески усталой, измотанной, и я жду из зала искры, которая бы меня зажгла. Вы знаете, я так благодарна тем, кто приходит нас слушать!

Три месяца назад мы пели в Зале имени Чайковского. Был аншла, билеты продавали с рук в десять раз выше номинала. Друзья говорили, что даже баня дороже наших билетов. Но цены повышать мы не можем — ведь к нам приходят те люди, о которых вы говорили. Сегодня мы выступаем не за эти уже совершенно символические деньги, а по долгу сердца, ради того, чтобы самим взять что-то у наших слушателей. Вот уже больше года Сергей бесплатно поет для детей, и я не знаю, кому это больше нужно. Во время концертов происходит духовный и интеллектуальный обмен, как будто сомневающийся в чем-то люди, собравшись вместе и поговорив, находят ответ, находят смысл, ради которого стоит жить...

Беседу вел
А. ФИЛИПОВ.